

с литературой». Добродетельное негодование Меркюр де Франс, однако объясняется весьма просто: «Меркюр де Франс», одно из самых реакционных французских издательств, уже много лет не получало Гонкуровской премии, и в филиппике его руководителя Бернара чувствуется плохо скрытая обида.

АКАДЕМИКИ «ЗА РАБОТОЙ»

Не в пример Гонкуровской академии, Французская академия функционирует как ни в чем не бывало. «Фигаро» замечает по этому поводу: «Пусть рухнет мир — академическая треуголка и шпага останутся в целости. Остается непрменный секретарь, и заседание продолжается. Там попрежнему занимаютя словарем французского языка».

Большинство членов Французской академии находится в Париже, и премии свои — литературные и иные — она присудила в положенные сроки. Если Гонкуровской академии и случалось хотя бы изредка отмечать произведения, отличающиеся литературными достоинствами, то с Французской академией этого почти никогда не бывало; ее выбор падал на самые бесцветные и реакционные книги, обычно настолько бездарные, что даже официальные премии и те не могли придать им блеска.

Осенью 1940 года газеты сообщили о присуждении «большой премии литературы» Эдмону Пилону, автору собрания исторических анекдотов («P'tite histoire»). «Премии романа» достались Эдуарду Пейссону, довольно известному автору морских повестей, в последнее время зарекомендовавшему себя «верноподданническими» статьями в прессе, а также Жану Тири и Полло Фийзей. Пресса ограничивается официальным извещением, воздерживаясь от комментариев.

Как отмечает пресса, Французская академия «проявляет активность». В Академии освободилась вакансия — в сентябре умер драматург Анри Лаведан, и вокруг предстоящих выборов нового «бесмертного» уже развернулась своеобразная кампания. Так как теперь главным средством передвижения в Париже служат метрополитен и велосипед, то кандидат на кресло Лаведана, старик барон Сейер, непрменный секретарь архиреакционной Академии нравственных наук, модцевато разъезжает на велосипеде по улицам Парижа; он наносит визиты академикам, своим будущим избирателям. Таким образом он агитирует за свою же кандидатуру и одновременно собственным примером пропагандирует спорт, должествующий «спасати Франции».

Другой академик, писатель Абель Боннар, поспешив стать проповедником «нового духа Франции», выступает с антисемитскими выпадами.

КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

По решению правительства Виши создан специальный комитет, который будет ведать кинематографической промышлен-

ностью. Базельская «Национальцейтунг» в статье о французской кинематографии подчеркивает, что возобновлению нормальной деятельности французских кинофирм мешают почти непреодолимые препятствия. Лучшие французские кинорежиссеры (Ренуар, Ренэ Клэр, Дювивье и др.) находятся в США. Ряд киноработников (сценаристы, операторы, актеры) содержится в Германии в качестве военнопленных.

Газета отмечает, что некоторыми французскими кругами выдвигается предложение об объединении французской и германской кинопромышленности.

ПЕРЕДАЧА ИСПАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

На основании недавно заключенного соглашения, Франция передает Испании ряд художественных произведений, находившихся до сих пор в французских музеях. Среди них «Непорочное зачатие» Мурильо — картина, вывезенная из Испании маршалом Сультом в эпоху наполеоновских войн. Кроме того, будут переданы образцы иберийской скульптуры, находящиеся в одном из парижских музеев, испанские скульптурные памятники римской эпохи и около пятидесяти манускриптов, взятых Наполеоном из испанских архивов.

ЧЕТЫРЕ КНИГИ О ПОРАЖЕНИИ ФРАНЦИИ

Обозреватель «Нью-Йорк таймс» в ревью посвящает статью четырем книгам о поражении Франции, вышедшим в США. Это книга Андре Симона (псевдоним) «Я обвиняю», «Трагедия Франции» А. Моруа, «Самоубийство одной демократии» Гейнца Поля и «Хронология ошибок» Гамильтона Фиш Армстронга.

«40 миллионов французов, — пишет обозреватель, — живут в состоянии тревоги, терпят величайшие бедствия, не имея шансов и рядом самого необходимого для своего физического существования. Они отдают себе отчет в том, что половина территории их страны оккупирована; надежды на будущее у них более чем неопределенны. Для них, и еще в большей степени для двух с половиной миллионов французов, взятых в плен, перспективы далеко не радужны.

Но не говоря уже о материальных лишениях, французы жестоко страдают, чувствуя себя униженными, видя падение своей страны. Их гнетут стыд и бесчестье. К тому же Франция, уже не участвующая в войне, продолжает в известной мере оставаться ареной военных действий; на ней сосредоточены немецкие войска, ее порты подвергаются обстрелу английских самолетов».

Это предисловие понадобилось автору обзора для того, чтобы призвать всех тех, «кто пишет книги о причинах крушения Франции», к «спокойным и умеренным выводам». Он заклинает их воздержаться от резких высказываний политического характера и «глядеть на вещи с более широкой точки зрения».

Высокопарные призывы автора обзора по существу означают следующее: не надо говорить о вине бывших и нынешних правителей Франции: это может навести на печальные размышления не только французов, но и английских и американских читателей. Обозреватель так и говорит: «Авторы книг о том, что случилось с Францией, никоим образом не должны исходить из какой-нибудь определенной доктрины, противостоящей другим; они должны стремиться нарисовать общую картину человеческой слабости, не выдвигая обвинений против конкретных лиц».

«К сожалению, — продолжает обозреватель, — авторы двух книг становятся в позу обвинителей, и это может смутить читателя, хотя, быть может, некоторые обвинения и вполне правильны. Речь идет о книгах Симона «Я обвиняю» и Гейнца Поля «Самоубийство одной демократии».

«Трагедия Франции» Моруа и «Хронология ошибок» Гамильтона Финн Армстронга, по мнению обозревателя, «более объективны».

«Моруа, — пишет он, — был очевидцем и участником событий, пользуясь доверием как английских, так и французских верхов; он одним из первых увидел несоответствие тех официальных «версий», которые преподносились публике, фактическому положению вещей. Даже не обладая серьезными военными познаниями, он, как и многие другие наблюдатели (из лиц гражданского состояния), смог уже вскоре убедиться в том, что военно-дипломатические руководящие круги союзников не проявляют необходимой предусмотрительности, что они не только лишены способности предвидения, но и не подготовились надлежащим образом к войне, чрезвычайно медлительны и некомпетентны во всех своих действиях. Моруа не обвиняет, — он лишь повествует. И из того, о чем он рассказывает, мы видим, что французское правительство раздиралось внутренними конфликтами, что война не встретила поддержки общества во Франции, что люди, поставленные во главе страны, были слишком слабы, чтобы справиться с возложенной на них миссией».

Лишь в самом конце книги Моруа отходит с позиции наблюдателя и рассказывает о своем личном участии в событиях. Выясняется, что в разразившейся катастрофе он играл известную роль, хотя и небольшую. Как и многие другие, он все время плыл по течению, и когда — лишь в самую последнюю минуту — он выступил по радио с речью, обращенной к Англии, и попытался рассказать в ней правду, то было уже слишком поздно. Во-первых, потому, что никакая помощь англичан в это время не могла уже вернуть французам боевой дух, и, во-вторых, потому, что англичане не хотели больше рисковать, считая, что дело Франции проиграно.

Армстронг, также в течение длительного времени бывший свидетелем происшедших во Франции событий, дает в своей книге интересную сводку, хронологически рисующую нарастание катастрофы».

★

В том же номере «Нью-Йорк таймс бук ревью» опубликовано письмо из Парижа, автор которого отмечает появление двух новых французских книг. Увлечение мемуарной литературой, которую и издательства и авторы считают, очевидно, наиболее безобидной разновидностью изящной словесности, видимо, докатилось и до Франции. В частности, издательство Конар выпустило книгу профессора Сорбонны, уроженца Эльзаса, Бальденшперже «Жизнь среди других; заметки, могущие послужить материалом для хроники нашего времени». Автор мемуаров, ныне читающий лекции в Гарвардском университете, начинает книгу изложением своих записей, относящихся к 1890 году.

В ином, гораздо более легком стиле написаны мемуары известной певицы Эммы Кальве, книга которой «Я пела под всеми небесами» выпущена издательством Плон. По отзыву автора письма, повествование в книге ведется в тоне светской, салонной болтовни. Проглядывая ее небрежно написанные, но не лишённые изящества «импровизации», читающая публика сможет предаться воспоминаниям о «добром, старом времени» и хоть ненадолго отвлечься от гнетущей обстановки сегодняшнего дня.

ШВЕЙЦАРИЯ

НОВАЯ КНИГА О ПРЕБЫВАНИИ АДАМА МИЦКЕВИЧА В ЛОЗАННЕ

Новая работа, посвященная Адаму Мицкевичу, опубликована лектором Лозаннского университета М. Феретти в швейцарском журнале «Лез'эюд де леттр».

Автор приводит ряд интересных фактов, относящихся к тому периоду жизни поэта, когда он преподавал в Лозаннском университете (с октября 1839 года по июль 1840 года). В работе Феретти использован ряд неопубликованных документов о пребывании Мицкевича в Швейцарии.

Еще в 1829 году Мицкевич, по словам Феретти, мечтал поселиться в Швейцарии. В 1838 году, когда Мицкевич, будучи эмигрантом, жил в Париже без всяких средств, он прочел в газете о том, что Лозаннский университет объявил конкурс на занятие кафедры римской литературы. Друзья Мицкевича — Сковацци и Оливье, жившие в Швейцарии, — начали хлопотать о предоставлении кафедры Мицкевичу; их старания увенчались успехом.

Лекции Мицкевича привлекали множество студентов. Впрочем, кое-кто находил его изложение слишком «поэтическим». Чтобы предупредить происки возможной оппозиции, студенты университета обратились к Совету государства с петицией об утверждении Мицкевича профессором. Официальное присвоение Мицкевичу звания ординарного профессора было отмечено прессой того времени как значительное событие, как победа над рутинной.

Мицкевич преподавал в Лозаннском уни-